

САРА ПОМЕРОЙ

**БОГИНИ И БЛУДНИЦЫ,
ЖЁНЫ И РАБЫНИ:
ЖЕНЩИНЫ В АНТИЧНОСТИ**

ТОМ II

РИМ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 94
ББК 63.3(0)3 2
П55

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод с английского — Инвир Лазарев.

Померой, С.

П55 Богини и блудницы, жёны и рабыни: женщины в античности. Том II. Рим. — М.: Тотенбург, 2025. — 192 с.

Первое всеобъемлющее исследование о женщинах в античном мире, отражающее критические взгляды современного феминизма. Статус данной книги в качестве фундаментального труда по истории женщин в Греции и Риме неоспорим. Книга сама по себе стала классикой антиковедения, важнейшим текстом по восстановлению роли женщин в истории. Захватывающее и драматичное повествование о женских судьбах от первобытных времён и вплоть до имперского Рима. Померой проделала блестящую работу по изучению ролей женщин в античном обществе, а также социальных норм и взглядов древних греков и римлян на основе широкого спектра источников: мифов, произведений искусства, художественной литературы и полемических трактатов. Ясный стиль изложения и непринуждённая подача материала делают это произведение поистине жемчужиной научной литературы. Эта уникальная и актуальная книга обязательна к прочтению для всех, кто интересуется проблемами женщин.

**УДК 94
ББК 63.3(0)3 2**

© Инвир Лазарев,
перевод с английского, 2025
© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ.....	7
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.....	8
I. РИМСКИЕ МАТРОНЫ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ И РАННЕЙ ИМПЕРИИ.....	11
Буква закона и реальность.....	13
От колыбели до могилы.....	44
Плоды образования.....	59
Вмешательство женщин в политические процессы.....	72
Участие женщин в политической жизни Рима.....	96
II. ЖЕНЩИНЫ ИЗ НИЗОВ.....	106
Рабство в Риме.....	107
Законы, регулирующие браки рабов и их освобождение.....	112
Дочери и сыновья.....	122
Вольноотпущенницы и работающие женщины.....	124
Государственная и частная благотворительность в отношении детей разного пола.....	133
III. РОЛЬ ЖЕНЩИН В РЕЛИГИИ РИМА.....	139
<i>Fortuna muliebris</i> — защитница женского счастья.....	141
Особое положение девственных весталок.....	150
Богиня Рождения и Смерти.....	161
Владычица Изиды.....	166
ЭПИЛОГ.....	183
Ускользающий образ.....	183

Обольстительные и внушающие отвращение,
одержимые властью и готовые на любую гнусность
и непристойное сладострастие,
или же верные, стойкие и жертвенные —
таковы загадочные грани женщин античности.

ОБ АВТОРЕ

Сара Б. Померой (*Sarah B. Pomeroy*; родилась 13 марта 1938 в Нью-Йорке) — американский историк-антиковед, специалист по социальной истории и в особенности по женщинам в античности. Окончила Барнард-колледж. В Колумбийском университете получила степени магистра искусств и доктора философии. В 1964 году поступила в штат Городского университета Нью-Йорка (Хантерский колледж), с 2003 года эмерит — почётный профессор антиковедения и истории. Среди её книг — «Женщины в эллинистическом Египте» (1984), «Домострой Ксенофонта: социальные и исторические комментарии» (1984), «Женщины в истории древности» (1991), «Женский образ в античности: визуальные и литературные аспекты» (1994).

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

(многие даты даны приблизительно)

Рим

753 Архаический период

753 г. до н. э. Традиционная дата основания Рима
Ромулом

509 Республика

509 г. до н. э. Изгнание царей, основание Республики

493 до н. э. Культ Цереры на Авентине

451–450 до н. э. Законы «Двенадцати таблиц»

264–241 до н. э. Первая Пуническая война

234–149 до н. э. Катон Старший

218–201 до н. э. Вторая Пуническая война

195 до н. э. Отмена закона Оппия

169 до н. э. Закон Вокония

133 Поздняя республика

133 до н. э. Трибунат Тиберия Гракха, начало столетия гражданских войн

106–43 до н. э. Цицерон

95–46 до н. э. Катон Младший

84–54 до н. э. Катулл

70–19 до н. э. Вергилий, Проперций, Тибулл, Сулпиция, Ливий

44 до н. э. Убийство Юлия Цезаря

43 до н. э. Овидий

42 до н. э. речь Гортензии

31 г. до н. э. Поражение Антония и Клеопатры при Акциуме

27 до н. э. Империя

27 г. до н. э. — 14 г. н. э. Правление Августа (Октавиана)

Далее все даты н. э.

14–37 Правление Тиберия

29 Смерть Ливии, вдовы Августа; Валерий Максим

37–41 Правление Гая (Калигулы)

41–54 Правление Клавдия

50–120 Плутарх

54–68 Правление Нерона

59 Убийство Агриппины, матери Нерона

61–112 Плиний Младший

69–79 Правление Веспасиана

79–81 Правление Тита

79 Гибель Помпей и Геркуланума

81–96 Правление Домициана; Тацит, Ювенал
96–98 Правление Нервы
98–117 Правление Траяна; Соран
117–138 Правление Адриана (его жена — Сабина);
Апулей
138–161 Правление Антония Пия (его жена — Фау-
стина Старшая); Авл Геллий
161–180 Правление Марка Аврелия (его жена —
Фаустина Младшая)
180–192 Правление Коммода
193–211 Правление Септимия Севера
211–217 Правление Каракаллы
217 Смерть Юлии Домны
218–222 Правление Элагабала (Гелиогабала)
222 Смерть Юлии Соэмии
222–235 Правление Александра Севера
226 Смерть Юлии Мезы
285–305 Правление Диоклетиана
306–307 Правление Константина
527–565 Правление Юстиниана

I. РИМСКИЕ МАТРОНЫ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ И РАННЕЙ ИМПЕРИИ

Социальные преобразования в эллинистическом мире вкупе с некоторыми особенностями римского государственного устройства породили особый тип женщины — матрону, свободнорождённую замужнюю гражданку из высшего сословия, пользующуюся уважением в обществе¹. Влияние римских матрон Поздней республики можно сопоставить с властью эллинистических цариц, обладающих изрядным политическим весом, сексуальной свободой и самостоятельностью во многих сферах жизни. В остальном женщины Рима демонстрировали амбиции, типичные для общества имперского периода: огромное богатство, выставляемое напоказ и аристократический снобизм. Стоит также отметить, что в Поздней Римской республике вошло в моду идеализировать «славное» прошлое, предшествовавшее периоду греческого влияния. Исторические события, слившиеся с легендами об основании Рима и Ранней республики, использовались в Поздней республике и Ранней империи для государственной пропаганды определённых моральных устоев. Как следствие, богатые аристократки, занимавшиеся высокой политикой и руководившие литературными салонами, должны были уметь прясть и ткать, как будто они

---

¹ О римских женщинах см. J. P. V. D. Balsdon, *Roman Women: Their History and Habits*. О политической деятельности женщин, особенно между 60 г. до н. э. и 14 г. н. э., см. R. Syme, *The Roman Revolution*.

жили во времена Ромула и Рэма. Подобные социальные мифы создавали гражданскую напряжённость из-за несоответствия идеального образа римской матроны и реального положения вещей и являлись причиной того, что такая женщина, как Корнелия, жившая во II веке до н. э., считалась образцом для подражания, воплощением всех женских добродетелей, но прежде всего идеальной матерью, которая не доверила своих детей наставникам-рабам, а сама занялась их воспитанием и в результате сделала их «первыми гражданами Римского государства». Корнелия, дочь Сципиона Африканского, легендарного героя римского фольклора, родилась в 185 г. до н. э. Она вышла замуж за Тиберия Семпрония Гракха, своего двоюродного брата из благородной семьи, и родила двенадцать детей, но только трое из них дожили до зрелого возраста. После смерти мужа, несмотря на то что она была молодой вдовой и египетский монарх Птолемей VIII предлагал ей свою корону и готов был на ней жениться, она отказалась от повторного замужества и посвятила себя обучению трёх своих детей согласно римским традициям и по самым высоким стандартам. Через своих двух сыновей, Тиберия и Гая Гракхов, Корнелия оказала глубокое влияние на римскую политику. Злые языки утверждали, что честолюбивая вдова подстрекала своих сыновей к чрезмерному политическому рвению. Другие недоброжелатели видели в ней лишь дочь Сципиона Африканского — победителя Ганнибала, — а не мать выдающихся реформаторов Гракхов. Ходили слухи, что с помощью своей дочери Семпронии Корнелия задушила своего зятя Сципиона Эмилиана, потому как тот выступал против реформаторства Тиберия Гракха. Однако ничто не

могло запятнать репутацию самоотверженной Корнелии. Она стоически перенесла убийство обоих своих взрослых сыновей и продолжала принимать иностранных и учёных гостей в своём доме в Мизенуме. Сама Корнелия была превосходно образована. Известны «Письма Корнелии», которые имели хождение в Риме и сыграли важную пропагандистскую роль во внутривосточной борьбе на закате республики. Согласно Плутарху, Корнелия пользовалась в Риме всеобщим уважением «из-за её детей несколько не меньше, чем из-за её отца». В портике Метелла римляне поставили её бронзовую портретную статую с надписью: «Корнелия, дочь Сципиона Африканского, мать Гракхов». Подножие этой статуи было найдено в 1878 году. Позже статуя была восстановлена императором Августом².

БУКВА ЗАКОНА И РЕАЛЬНОСТЬ

Если заглянуть за рамки полулегендарного образа Корнелии — свободной, образованной матроны, уверенной в себе даже будучи вдовой, — нам откроется несколько иная история, раскрывающая тонкости римского законодательства, затрагивающего женщин, особенно в области опеки, брака и наследования.

Римская правовая система предписывала всем женщинам зависимое положение от мужчин. Такой подход был основан на предвзятом отношении

---

² О Корнелии см. Плутарх, Тиберий Гракх 1.4 и Гай Гракх 4.19; Аппиан, Гражданские войны 1.20. О её статуе см. Плиний HN 34. 31; о подножии статуи см. А. Degrassi, ed., *Inscriptions Italiae* 13. 3 («Elogia»), no. 72, стр. 51–52. Более короткий вариант надписи упомянут у Плутарха, Гай Гракх 4. 3: «Корнелия, мать Гракхов».

к женскому полу, которому приписывались врождённые легкомыслие и слабость. Мужская опека над женщинами виделась римлянам необходимой мерой, обеспечивающей стабильность их государственного устройства. В отрочестве римлянки находились под властью старшего в возрастном отношении мужчины в семье (*pater familias*). Власть *pater familias* («отца семейства») не имела аналогии в греческом праве. Все члены римской семьи находились в подчинённом положении по отношению к своему хозяину; они не были самостоятельными лицами с правовой точки зрения. Домовладыка осуществлял в отношении членов своей семьи те же права, что и в отношении собственности. Ему принадлежало право жизни и смерти, отказа от новорожденного, продажи в рабство, телесных наказаний, изгнания из дома. Он также полностью обладал имуществом семьи и распоряжался им по своему усмотрению. Все потомки мужского пола любого возраста также подчинялись власти *pater familias*, но после его смерти достигшие совершеннолетия сыновья сами становились домовладыками в своих семьях; над вдовой учреждалась опека сыновей. Самый ранний кодекс римского права, «Законы Двенадцати Таблиц» (451–450 гг. до н. э.), гласил, что сын, который был продан в рабство своим отцом трижды, юридически освобождался от власти своего родителя.

Был только один законный способ выйти из-под власти *pater familias* для римлянок — стать весталкой. Весталки освобождались от отцовской власти, имели право на собственность и могли распоряжаться ею по своему усмотрению. Однако стать жрицей Весты было чрезвычайно сложно, даже про-

сто потому, что их могло быть всего шестеро одновременно на весь Рим.

После смерти *pater familias* опека над дочерьми (и сыновьями препубертатного возраста) переходила к ближайшему родственнику мужского пола (агнату), если только глава семейства не указал другого опекуна в своём завещании. Опека над женщинами удерживалась в римском праве вплоть до времени Диоклетиана (правил в 285–305 гг. н. э.). Мало-помалу такое опекунство, как социальный институт, приобрело скорее символический, чем реальный характер, чему, кроме прочих факторов, немало способствовала заинтересованность самих женщин в управлении своими собственными делами. Римлянки прибегали к многочисленным юридическим уловкам и хитростям, чтобы обойти законы, представлявшие их недееспособными даже тогда, когда они не находились ни под властью отца, ни под властью мужа. Опекун требовался, когда женщина совершала важные сделки, такие как принятие наследства, составление завещания или принятие договорного обязательства, а также все сделки, требующие *mancipatio* (ритуальной формы продажи), включая продажу земли и дарование вольной рабам. В случае когда опекун не давал своего согласия, женщина могла обратиться к мировому судье с просьбой принудительно получить его разрешение или назначить ей другого опекуна.

В конце же республики элемент вынужденной заботы всё более выступает на первый план, и положение опекуна становится бременем для мужчин: его права попечителя служат лишь средством для выполнения лежащей на его плечах обязанности. В таком виде опека над женщинами к началу империи начинает казаться стеснительной и ненужной

повинностью. Женщины всё чаще сами ведут свои дела и лишь для некоторых актов нуждаются в согласии своего опекуна. Добродетельная Корнелия управляла большим хозяйством и, как сообщается, самостоятельно приняла решение отклонить предложение Птолея Фискона о браке, не спросив совета ни у одного мужчины-опекуна. Также и столетие спустя имеется множество свидетельств о финансовых операциях Теренции, жены Цицерона, но ничего не сообщается о её опекуне.

Законодательство Августа предоставило женщинам возможность освободиться от формального надзора со стороны мужчин-опекунов. Согласно «праву трёх или четырех детей» (*jus liberorum*), свободнорождённая женщина, родившая трёх детей, и вольноотпущенница, родившая четырех детей, освобождались от опеки. Заметим, что такое постановление подрывало саму основу юридической доктрины о слабости женского пола, то есть по крайней мере те римлянки, которые проявили ответственное поведение, родив детей, в которых так нуждалось государство, признавались дееспособными и не нуждались в посредничестве опекуна-мужчины. Но даже такая вынужденная мера, как закон *jus liberorum*, не могла служить стимулом для женского населения Рима. Как мы можем видеть на примере знаменитых римлянок, те матроны, которые хотели освободиться от влияния опекунов, сумели сделать это до правления Августа, и не производя на свет троих детей. Более того, папирусы из Римского Египта, где женщины были менее самостоятельны, свидетельствуют о немалом количестве женщин, гордо заявляющих о получении привилегий *jus liberorum*, но тем не менее пользующихся мужской помощью при ведении

своих дел³. Даже после того как закон Клавдия в I веке н. э. отменил опеку агнатов над римлянками, большинство опекунов или мужчин, присутствовавших при сделках неграмотных женщин, обладающих дарующим им *jus liberorum* правом на самостоятельную деятельность, были их родственниками — они подписывали документы⁴.

Согласно римским законам власть *pater familias* превосходила права мужа на женщину. Именно *pater familias* решал, останется ли дочь в его доме или будет передана им другому мужчине и кто в таком случае будет её опекуном. В некоторых случаях опекун мог и не приходиться женщине родственником. Кроме того, женщина могла быть освобождена от власти *pater familias* в случае, если она передавала во власть (*manus*) её мужа. Если брак заключался в такой юридической форме, жена становилась частью семьи своего мужа, как если бы она была его дочерью, в том, что касается имущественных прав.

Жена могла перейти из рук отца под опеку (*in manum*) мужа тремя способами: либо посредством двух формальных церемоний брака, известных как конфарреация/*confarreatio* (при совершении такого обряда пирожок из полбы делили между брачующимися) и коэмпция/*coemptio*, сопровождавшаяся символической куплей невесты; при браке в форме *usus* женатыми считались мужчина и женщина, живущие вместе (непрерывное сожительство в течение года в доме мужа). В древние времена важным элементом

---

³ R. Taubenschlag, *The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri*: 332 B.C–640 A.D., стр. 48–49, 176–177.

⁴ О «Законе Клавдия» (*Lex Claudia de tutela*), см. G. Rotondi, *Leges publicae populi romani*, стр. 467–68; о владении грамотой см. Calderini, *op. cit.*, стр. 30–31.

брака *manus* был переход невесты из домашней религии отца в религию семьи мужа⁵. Религия семьи передавалась по мужской линии, при этом *paterfamilias* выступал в роли верховного жреца домашних божеств. После замужества римлянка отказывалась от религии своего отца и начинала поклоняться очагу своего мужа — духи его предков становились её сверхъестественными покровителями. Семьи поклонялись духам-хранителям домашнего очага: со стороны *paterfamilias* — «гению», со стороны *materfamilias* — «юноне». С другой стороны, римлянка, вышедшая замуж без *manus*, не принималась в круг агнатической семьи мужа и, следовательно, исключалась из обрядов, совершаемых её мужем и детьми. В этом случае она продолжала религиозную деятельность в рамках культа домашних божеств её отца.

Как уже упоминалось, глава семьи (*paterfamilias*) в полной мере распоряжался жизнью и смертью своих кровных родственников (*familia*), включая дочерей. У Тита Ливия, историка, жившего во времена императора Августа, находим описание двух случаев из истории раннего Рима, повествующих о суровых приговорах, вынесенных дочерям их отцами. Оба прецедента касаются нравственных аспектов подобающего поведения, предписанного римлянкам.

Первая легенда в пересказе Ливия касается сражения между тремя братьями Горациями и тремя братьями Куриациями. Сначала все трое Куриациев были ранены, а двое римлян погибли. Последний выживший Гораций (по имени Публий) обратился

---

⁵ Дионисий Галикарнасский приписывал эту черту бракам, заключённым «с ритуалом», подразумевая существование браков без *manus* даже во времена Ромула (Римские Древности 2. 25).

в бегство. Раненые Куриации преследовали его, но из-за ран они двигались несогласованно, что и позволило Публию сразиться с каждым по отдельности и убить всех троих. Между тем, сестра Горация была помолвлена с одним из Куриациев. Прознав о трагедии, она сокрушалась о смерти своего жениха. Услышав это, её выживший брат заколол её мечом со словами: «Так да погибнет всякая римлянка, что станет оплакивать неприятеля!»⁶. Его отец, одоббив убийство дочери, не позволил похоронить её в усыпальнице предков. Он заявил, что если бы его сын не убил сестру, он сам бы убил её, воспользовавшись властью, предоставленной отцам над детьми.

В другой истории, относящейся к 449 г. до н. э., Аппий Клавдий, лидер децемвиров, опубликовавших «Законы XII Таблиц», воспылил страстью к девушке из народа по имени Вергиния. Красавица Вергиния не соблазнилась подарками и обещаниями Аппия, и тогда тот, от страсти потеряв голову, решился на обман. Он договорился со своим клиентом Марком Клавдием объявить публично, что Вергиния — его рабыня, и потребовать её к себе. Толпа на форуме, поскольку семья пользовалась уважением, заставила Марка Клавдия передать дело в суд — децемвирам, возглавляемый самим же Аппием. На суде Марк Клавдий поклялся, что девушка родилась в его доме, откуда была похищена и подброшена Вергинию, а сам он узнал об этом благодаря доносу и готов представить доказательства. На суде защитники потребовали отсрочить дело до возвращения отца девушки. Рано утром Вергиний, одетый как на похоронах, привёл на суд дочь, обряженную в лохмотья, словно

---

⁶ Тит Ливий 1.26.

рабыню, в сопровождении толпы защитников. На площади собралось много людей, переживавших за их судьбу. Однако решение суда осталось прежним. Когда девушку хотели забрать силой, Вергиний прилюдно зарезал Вергинию со словами: «Только так, дочь моя, я могу сделать тебя свободной». Позже он объявил во всеуслышание, что поскольку его дочь не могла жить целомудренно, его поступок обеспечил ей почётную смерть⁷.

Нет ясности касательно того, имели ли муж в браке *manus* абсолютную власть над женой, однако совершенно очевидно, что опекун не мог в полной мере распоряжаться жизнью и смертью своей подопечной, в отличие от её отца⁸. На самом раннем этапе истории развития древнего Рима, как нас заверяют, все жены подчинялись власти своих мужей, вследствие чего браки были прочными, а женщины добродетельными. Катон «Цензор» утверждал, что мужа вправе судить своих жён и даже могут выносить им смертные приговоры за серьёзные преступления, например за прелюбодеяние или пристрастие к вину. Один такой случай произошёл во времена самого Ромула: «Эгнаций же Мецен из гораздо меньшего основания, за то, что жена пила вино, убил её, проткнув палкой. И этот факт не только не нашёл обвинителя, но и порицателя. Всякий полагал, что её наказание будет служить лучшим примером к соблюдению трезвости»⁹.

---

⁷ Тит Ливий 3. 44–58; Дионисий Галикарнасский, Римские древности 11. 28–49; Диодор 12. 24.

⁸ Alan Watson, *The Law of Persons in the Later Roman Republic*, стр. 110.

⁹ Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения 6.3.9. Перевод А.А. Павлова. Идеал, согласно которому женщина не должна пить вино, поддерживался достаточно долго в римском обществе. Даже

Также находим интересный отрывок у Авла Гелия об одной из речей Катона¹⁰. Этому фрагменту предшествует абзац, в котором Геллий упоминает обычай, согласно которому мужчины при приветствии своих кровных родственников обменивались с ним поцелуями в губы, чтобы убедиться, не пахнет ли от них вином¹¹. Однако в этом свидетельстве есть небольшая нестыковка, ведь если жена находилась под властью мужа, то её кровные родственники (прошлая семья) больше не могли контролировать её поведение и уж тем более наказывать.

Полученная из древних источников информация об абсолютной власти мужа над женой в сравнении с правами её кровных родственников противоречива. Дионисий Галикарнасский, который, как и Ливий, писал во времена правления императора Августа, утверждал, что, согласно законам Ромула, замужние женщины были обязаны подчиняться своим супругам; мужья распоряжались ими как своей собственностью¹². Плутарх приводит дополнительные сведения: «Ромул издал также несколько законов, среди которых особою строгостью отличается один, возбраняющий жене оставлять мужа, но дающий право мужу прогнать жену, уличённую в отравительстве, подмене детей или прелюбодеянии. Если же кто разведётся по какой-либо иной причине,

---

в 153 г. н. э. женщина, внёсшая пожертвование в мужскую коллегию, сделала себя одним из получателей денежных распределений из своего фонда, но исключила себя из участников пира, на который она также пожертвовала деньги (ILS Inscriptiones Latinae Selectae 7213. 12).

¹⁰ Авл Гелий 10. 23; ср. Тит Ливий 34. 2. 11. Watson, *op. cit.*, стр. 28, принимает свидетельство Катона.

¹¹ Плутарх. Римские вопросы: также предполагает, что такой обычай был продиктован желанием мужчин контролировать женщин.

¹² Дионисий Галикарнасский, Римские древности 2. 25. 4.

того закон обязывает часть имущества отдать жене, а другую часть посвятить в дар Церере»¹³. То есть во времена Ромула только муж мог инициировать развод и только по определённым законом причинам. Дионисий Галикарнасский вносит ещё большую путаницу в данный вопрос, утверждая, что муж имел право лишить жизни свою жену, заручившись на то согласием её ближайших родственников. Речь идёт о доказанной вине в прелюбодеянии или пьянстве, поскольку пристрастие к вину приводило к распущенности женщины и толкало её на измену¹⁴. Плиний Старший сообщает о случае, когда замужнюю женщину принудили уморить себя голодом члены её семьи, когда несчастную уличили в краже ключей от винного погреба, но неясно, идёт ли речь о родственниках со стороны мужа или же со стороны жены¹⁵. Таким образом, нет никакой ясности касательно того, имел ли муж право убить жену по своему собственному произволу или же только с согласия её кровных родственников мужского пола, или же в его власти было только инициировать развод с опостылевшей ему супругой. В 186 г. до н. э. несколько тысяч мужчин и женщин были приговорены к смерти за участие в запрещённых сенатом вакхических обрядах. «Женщин, осуждённых на смерть, передавали их родственникам или опекунам, чтобы те казнили их приватно; если же не находилось подходящего исполнителя казни, то их казнили публично»¹⁶. То есть женщин передали их кровным родственникам или тем, кто имел над ними власть (*manus*), что-

---

¹³ Плутарх, Ромул 22.3.

¹⁴ Дионисий Галикарнасский, Римские древности 2. 25. 6.

¹⁵ Плиний HN 14. 89–90.

¹⁶ Тит Ливий 39. 18. 6.

бы казнить их в частном порядке. Но в описанном случае смертная казнь была предписана государством. Ни мужа женщин, ни опекуны сами не осуждали своих жертв, они должны были исполнить волю сената и привести приговор в исполнение.

На основании вышеприведённых данных можно сделать предположение, что когда «у жён не было другого убежища» (как говорит Дионисий) или когда они полностью находились под властью своих мужей (как настаивает Катон), браки были более прочными. Такая власть мужей над жёнами — если она вообще когда-либо действительно существовала в Раннем Риме — была идеализирована и использована в пропаганде идеи моногамного брака стоиками и авторами, писавших в эпоху правления Августа.

Однако с равной долей вероятности в Риме власть мужа могла на деле оказаться более эфемерной, чем влияние отца и кровных родственников мужского пола на жизнь замужней женщины. По всей видимости, даже в браке *manus* кровные родственники римлянки продолжали контролировать её жизнь после замужества. Вышеописанный римский обычай приветственных поцелуев с целью пресечения употребления вина женщинами — лишь один из аспектов контроля семьи над её поведением. Непрестанное участие отцов в жизни их замужних дочерей поддерживается некоторыми историческими фактами и легендами. Так, поруганная римская матрона Лукреция посылает гонцов к отцу и мужу, и те совместно творят акт мести над её насильником. Эту же тенденцию мы видим в сюжете с сабинянками, взятом из книги Тита Ливия «История Рима от основания города»: «Тут сабинские женщины, из-за которых и началась война, распустив волосы и разорвав одеж-

ды, позабывши в беде женский страх, отважно бросились прямо под копы и стрелы наперерез бойцам... с мольбою то к отцам, то к мужьям... Лучше умрём, чем останемся жить без одних или других, вдовами или сиротами».

Брак *sine manu* — «без руки», при котором жена не находилась под властью мужа и оставалась в подчинённом положении по отношению к отцу или опекуну, имеет древнее происхождение. Уже «Законы XII Таблиц» предусматривают брак *sine manu*, а к концу республики он был самой распространённой формой союзов, хотя брак *manus* («мужняя власть») все ещё встречался. Поскольку брак *manus* давал жене некоторые права на имущество её мужа, семья жениха могла сама предложить заключение союза *sine manu*, дабы оградить своё имущество от раздела. Соответственно, в случае когда невеста была из богатого рода, её семья, скорее всего, предпочла бы брачный договор *sine manu*, по всё тем же имущественным соображениям. Таким образом, рост богатства римлян во II веке до н. э. вполне может быть следствием уменьшения числа браков *manu* в тот же период. Брак *sine manu* можно рассматривать в качестве временного соглашения двух семей. Такой временный союз в значительной степени повлиял на высокий уровень расторжения браков во времена поздней Республики. Ожидание того, что жёны будут «более услужливы», когда у них «нет другого убежища», кроме семьи, не оправдалось. Женщина, которая в любое время могла легко вернуться в дом своего отца, получала определённую независимость и защиту от произвола мужа. В то же время *sine manu* давал женщине больше свободы. Складывалась очень интересная ситуация: формально женщина на-

ходила под властью отца или опекуна, но жила в доме мужа, который, хотя и осуществлял надзор, не мог в полной мере контролировать свою супругу. Кроме всего прочего, очевидно, что даже если римлянка была в браке *tanti*, постоянное участие отца и других кровных родственников в её жизни можно рассматривать как средство защиты её приданого от злоупотреблений мужа. Плутарх в «Римских вопросах» размышляет о том, почему римлянки, в отличие от гречанок, не выходили замуж за близких родственников. Он предположил, что родственники могли оказать им поддержку, если их мужья дурно обходились с ними:

«Почему римляне не женятся на близких родственницах? Может быть, выдавая замуж в другой род и приводя жён из другого рода, они хотят таким образом умножить число родных и близких? Или они боятся, что при браке близких родственников возникнут раздоры, губительные для их естественной приязни?»

Или, считая, что женщинам по их слабости нужно иметь многих покровителей, они не вступают в брак с близкими родственницами, чтобы если муж обидит жену, за неё могли вступить её родичи?»¹⁷.

Помимо соображений защиты замужней женщины, её родственники-мужчины могли продолжать получать выгоду от общения с ней, ведь брак *sine tanti* не был тому помехой. Как и при дворах эллинистических монархов, помолвки, браки и разводы среди римлян высшего сословия обычно устраивались мужчинами по договорённости ради политиче-

---

¹⁷ Плутарх, Римские вопросы 108. Текст приводится по изданию: Плутарх. Застольные беседы. Ленинград, «Наука», 1990. Перевод Н. В. Брагинской.

ской и экономической выгоды их семей. В этом смысле предложение Птолемея Корнелии было продиктовано желанием завести связи с влиятельными римскими семьями.

Брак в Риме не был союзом двух любящих сердец, а тщательно продуманной сделкой. Помолвки и браки с лёгкостью расторгались по инициативе мужчин. Так, Помпей развёлся со своей первой женой Антистией, чтобы жениться на падчерице Суллы Эмилии, которая была в это время замужем и уже беременна. Эмилия вскоре умерла от родов в доме своего нового мужа. Антистия и её семья также пострадали от решения Помпея породниться с тираном Суллой: «Антистию изгоняют позорным и самым жалким образом, хотя она недавно из-за своего мужа потеряла отца: Антистий был убит в курии, так как из-за Помпея его считали сторонником Суллы. Мать Антистии не перенесла всех этих несчастий и сама наложила на себя руки»¹⁸.

Вообще период Поздней республики отмечен ростом количества политических браков среди влиятельных римлян. Причём желания женщин в них все не учитывались.

«Чтобы ещё свободнее использовать в своих целях могущество Помпея, Цезарь выдал за него свою дочь Юлию, хотя она и была уже помолвлена с Сервилием Цепионом, последнему же он обещал дочь Помпея, которая также не была свободна, ибо была обручена с Фавстом, сыном Суллы. Немного позже сам Цезарь женился на Кальпурнии, дочери

---

¹⁸ Плутарх, Помпей 9. Текст приводится по изданию: Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М.: издательство «Наука», 1994. Издание второе, исправленное и дополненное. Т. II. Перевод Г. А. Стратановского.

Пизона, которого он провёл в консулы на следующий год. Это вызвало сильное негодование Катона, заявлявшего, что нет сил терпеть этих людей, которые брачными союзами добывают высшую власть в государстве и с помощью женщин передают друг другу войска, провинции и должности»¹⁹.

Отметим, что моралист Катон сам использовал свою жену Марцию для укрепления своей дружбы с Гортенziem. Отец Марции не возражал против этого брака. Это способствовало укреплению его связей, да и Гортензий был очень богат. Посоветовавшись, отец и муж постановили отдать беременную Марцию замуж. Свидетелем на церемонии бракосочетания был сам Катон. Саму Марцию, как водится, никто не спросил.

Так или иначе, но такая брачная практика продолжалась и после убийства Цезаря, в эпоху триумvirата Антония, Лепида и Октавиана. В юности Октавиан был помолвлен с Сервилией, дочерью Публия Сервилия. Однако в 43 году до н. э. он разорвал помолвку и обручился с падчерицей Марка Антония Клодией. Вскоре Октавиан разорвал и эту помолвку, чтобы жениться на Скрибонии, которая была родственницей его бывшего противника Секста Помпея. Не исключено, что этот брак мог быть частью мирных соглашений между политическими противниками.

Примирение Октавиана с Марком Антонием закончилось династическим браком: он отдал в жёны Антонию свою сестру Октавию, несмотря на то, что в это время та была беременна от первого мужа.

---

¹⁹ Плутарх, Цезарь 14. 4–5. Текст приводится по изданию: Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М.: издательство «Наука», 1994. Издание второе, исправленное и дополненное. Т. II. Перевод Г. А. Стратановского.

В ряде случаев она выступала в качестве политического парламентария и переговорщика между братом и мужем. Когда между ними снова вспыхнул конфликт, Октавиан не без труда убедил сестру развестись с мужем. Неповиновение Октавии воле брата указывает на то, что она испытывала некоторую привязанность к Антонию, а также на то, что она больше не хотела выступать разменной монетой в мужских играх. После расторжения брака с Антонием, его поражения и самоубийства в 30 г. до н. э. Октавия стала единственной опорой осиротевших детей её бывшего мужа от его первой жены и от Клеопатры.

Плутарх в своём описании династических браков иногда упоминает сильную привязанность, развивающуюся между женой и мужем. Я полагаю, что этот автор не беспристрастен в своих оценках, так как ему вообще свойственно восхваление института брака. Мне кажется, что Вергилий в своей «Энеиде» с гораздо большей реалистичностью изобразил типичное поведение мужчин. Когда греки, используя военную хитрость, захватили Трою, Энею удалось покинуть город. Его Жена Креуса отстала в пути и погибла в пылающей Трое. Так Эней бросает и Дидону (на которой, правда, не был женат) ради династического брака с Лавинией — дочерью царя в Италии. Безутешная Дидона сводит счёты с жизнью, бросившись на меч.

Разумеется, использование мужчинами своих родственниц для привлечения политических союзников не было изобретением римлян. Подобным образом поступали со своими женщинами цари гомеровского эпоса, греческие тираны архаического периода и эллинистические монархи. И всё же римские нравы отмечены появлением новой тенденции в об-

ласти матримониальных отношений: женщины в Поздней республике порой сами инициировали брачные союзы, при этом они тщательно выбирали мужей (впрочем, как и любовников), стремясь заключить наиболее выгодные партии для своих собственных семей. Одной из таких честолюбивых женщин была Валерия, римская матрона из знатного патрицианского рода. Будучи разведённой, она смогла выйти замуж за ставшего вдовцом бессрочного диктатора Луция Корнелия Суллу, которому в ту пору было около шестидесяти лет.

«Несколько месяцев спустя на гладиаторских играх — в ту пору места в театре ещё не были разделены, и женщины сидели вперемежку с мужчинами — случайно поблизости от Суллы села женщина по имени Валерия, красивая и знатная родом (она приходилась дочерью Мессале и сестрою оратору Гортензию), недавно разведённая с мужем. Проходя мимо Суллы, за его спиною, она, протянув руку, вытаскивала шерстинку из его тоги и проследовала на свое место. На удивленный взгляд Суллы Валерия ответила: "Да ничего особенного, принцепс, просто и я хочу для себя малой доли твоего счастья". Сулле приятно было это слышать, и он явно не остался равнодушен, потому что через подосланных людей разузнал об имени этой женщины, выведал, кто она родом и как живет. После этого пошли у них перемигивания, переглядывания, улыбки, и всё кончилось сговором и браком»²⁰.

---

²⁰ Плутарх, Сулла 35. Текст приводится по изданию: Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М.: издательство «Наука», 1994. Издание второе, исправленное и дополненное. Т. I. Перевод В. М. Смиринна.

Благодаря этому браку, семья Валерии смогла возвыситься в обществе²¹.

В периоды большей политической стабильности разводов в Риме, похоже, было меньше. И всё же в вопросах наследования власти в империи заключение брачных соглашений оставалось исключительно важным. Так, Октавия, дочь императора Клавдия от его третьей жены Валерии Мессалины, ещё будучи годовалым ребёнком, была обручена с будущим претором Луцием Силаном, праправнуком Августа. Трагические события гражданских войн в эпоху Ранней империи привели к самоубийству Силана. Против него начала интриговать Агриппина, желая женить на Октавии собственного сына; кроме того, Силан представлял опасность, будучи прямым потомком Августа. Вителлий обвинил Силана в кровосмесительной связи с его сестрой Кальвиной. Вероятно, ему было также предъявлено обвинение в заговоре против самого Клавдия. За этим последовало исключение Силана из senatorского сословия, лишение его преторской должности и расторжение помолвки с Октавией. В день свадьбы Клавдия с Агриппиной Силан совершил самоубийство, после чего Октавия в возрасте шестнадцати лет была выдана замуж за Нерона.

Формально для помолвки и последующего брака требовалось согласие обоих партнеров; невесте разрешалось отказаться от союза, если она могла доказать, что претендент на её руку не обладал соответствующими моральными качествами²². Однако маловероятно, что девочки двенадцати лет (мини-

---

²¹ Т. Р. Wiseman, *Cinna the Poet*, стр. 181.

²² Ульпиан, *Дигесты* (собрания) I. 12.

мальный брачный возраст, определённый Августом) могли противостоять давлению семьи. Иное дело зрелые женщины; в случае смерти или длительного отсутствия их отцов они сами выбирали себе мужей. Например, Цицерон сам устроил два брака для своей дочери Туллии. В 50 году она против желания отца вышла замуж за Публия Корнелия Долабеллу, одного из видных представителей римской «золотой молодёжи». Долабелла был выбран самой Туллией и её матерью в отсутствие Цицерона. Брак был законным, но недовольный Цицерон был полон решимости расторгнуть его из-за дурной репутации зятя. В последующие годы Долабелла приложил немало усилий, чтобы получить с тестя приданое Туллии.

Расторжение брака могло состояться по обоюдному согласию или по воле одного из супругов. Начиная с Поздней республики увеличилось количество разводов. В обществе царил легкомысленность по отношению к институту брака: союзы, длившиеся долгое время, были редки, что становилось поводом для сатиры у римских философов и поэтов. Сенека пишет, например, что «ни одна женщина не постыдится развестись, потому что женщины из благородных и знатных семейств считают годы не по числу консулов, а по числу мужей. Они разводятся, чтобы выйти замуж, и выходят замуж, чтобы развестись». И всё же, по большей части, брачные договоренности находились в руках мужчин. Как уже упоминалось, развод мог быть инициирован отцами, чьи женатые дети не были освобождены от их власти. В данном случае можно провести аналогию с традиционным афинским законодательством, в котором отец обладал правом аннулировать брак своей дочери. Только начиная со времён правления Антонина

Пия отцам было запрещено расторгать браки их детей без веских на то оснований²³. При расторжении формы брака *cum manu* — «с рукой», что означало, что женщина, покидая родной дом, уходила из-под власти главы своей семьи (*pater familias*) и попадала во власть мужа или главы семьи мужа, главной заботой был возврат приданого, как это было в классических Афинах и эллинистическом Египте. Если муж разводился с женой из-за её безнравственного поведения, он имел право сохранить за собой часть её приданого; доля варьировалась в зависимости от тяжести проступка его супруги. Бывали случаи, когда мужа пытались извлечь выгоду из этой процедуры²⁴.

При разводе дети оставались со своими отцами. Кровные узы (не только по отцовской линии) считались священными в Риме и накладывали большую ответственность. Так, спустя тридцать семь лет после развода с Августом Скрибония добровольно последовала за своей дочерью Юлией в изгнание, к которому ту приговорил её отец за прелюбодеяние²⁵. Другие примеры: Сципион Эмилиан был усыновлён после развода его родителей, но тем не мене он отписал часть своего состояния родной матери²⁶; после развода Ливии с Клавдием Нероном и вступления в брак с Августом её дети от первого брака жили с отцом, но после его смерти они вернулись к матери. Случай с Катонем Младшим мы уже приводили выше: после согласования с отцом своей жены Марции он развёлся с ней и устроил её брак со своим другом Квинтом Гортензием, который очень хотел

---

²³ Юлий Павел, Сентенции 5. 6. 15.

²⁴ Валерий Максим 8. 2. 3.

²⁵ Диодор 55. 10–14.

²⁶ Полибий 31.26.

породниться с Катонем. Тем не менее после смерти Гортензия Марция снова вышла замуж за Катона, вероятно, руководствуясь желанием заботиться о своих дочерях от него, когда Катон, присоединившись к Помпею, покинул Рим²⁷.

Для большинства разводов, о которых мы читаем, были ли они вызваны политическими или личными соображениями, согласно римскому праву не требовалось никаких особых оснований, но часто причиной было отсутствие в браке детей, причём бесплодие всегда считалось виной женщины. Так, диктатор Сулла развелся с Клелией под предлогом её бесплодия²⁸. Стоит также упомянуть ещё об одной женщине, умершей в конце I века до н. э., память о которой сохранилась в эпитафии. Её имя точно не известно, предполагается, что она звалась «Турия»²⁹. На похоронах Турии её мужем была произнесена знаменитая похвальная речь за то, что супруга предложила ему развод после бесплодного брака, который длился сорок три года. В погребальном панегирике описывается её героизм в интересах мужа во время гражданских войн, а также восхваляется её самоотверженное предложение развестись с мужем и жениться ему на другой: «Ты утверждала, что детей, которые родятся от этого брака, ты будешь считать своими, что из состояния, которым до сих пор мы владели сообща, ты не выделишь части для себя, и оно останется в моем распоряжении... ты будешь относиться ко мне, как любящая сестра и свекровь».

---

²⁷ Плутарх, Катон Младший 25. 52. Ср. Hattie Gordon, *The Eternal Triangle, First Century B.C.*

²⁸ Плутарх, Сулла 3.2.

²⁹ Турия: C/L6. 1527, 31670 — ILS (*Inscriptiones Latinae Selectae*) 8393 (Marcel Durry, ed., *Elogefunebre d'une matrone romaine*).

Муж Турии с негодованием отверг её предложение, предпочтя остаться с ней в браке, хотя его род таким образом пресекался. Это чуть ли не единственный за всю римскую историю письменно засвидетельствованный случай, когда муж отказался дать развод своей бездетной жене и настоял на том, чтобы оставить её при себе.

Некоторые мужчины разводились со своими жёнами из-за супружеской неверности последних. Так, Помпей развелся с Муцией, а Лукулл — с Клавдией. Цезарь развёлся с Помпеей после скандала с проникновением Клодия в его дом на женский праздник Доброй Богини, на который мужчины не допускались. Возможно, Клодий хотел встретиться с Помпеей, может, просто посмотреть на запретные таинства, — доподлинно неизвестно. Клодий переоделся женщиной и вместе со своей сестрой (которая была приглашена на праздник) прошёл в дом Цезаря, но его раскрыли. Тут же поползли слухи о связи Помпеи с Клодием. Клодия отдала под суд за кощунство и оскорбление богов. На суд в качестве свидетеля призвали Цезаря, который был в ту пору в Риме верховным жрецом (великим понтификом). Он заявил, что ничего об этом происшествии не знает и доказательств неверности его бывшей жены нет. На резонный вопрос о том, почему же тогда Цезарь развёлся с ней, был дан ответ: «Потому что мои близкие должны быть чисты не только от вины, но и от подозрений».

Что касается разводов по причине неверности мужей — у нас крайне мало информации о таких случаях. Возможно, это было связано с двойными стандартами в римском обществе, когда мужчинам из высших сословий негласно дозволялось вступать

в отношении с женщинами из низов — такие связи не рассматривались в качестве угрозы законным бракам.

Особый интерес представляют законы императора Августа, поощряющие брак и традиционные римские ценности. Заметим, что прелюбодеяние в качестве государственного преступления рассматривалось только в отношении женщин. В соответствии с полномочиями *pater familias* отцу прелюбодейки дозволялось убить её, если та не была освобождена от его власти в пользу мужа³⁰. Как мы видим на этом примере, в римском праве полномочия мужа по отношению к супруге были более ограниченными по сравнению с властью отца над дочерью. Муж был обязан развестись с супругой-прелюбодейкой; он или другое доверенное лицо должны были привести её в суд³¹. В случае признания виновной она теряла половину своего приданого, а на её соблазнителя налагался штраф, изымаемый из части его имущества; оба отправлялись в изгнание из Рима порознь. Согласно законодательству Августа, жена могла развестись со своим мужем по причине его супружеской неверности, но ей не вменялось в обязанность этого делать. Кроме того, уличённый в измене мужчина не подлежал уголовному преследованию. Не исключено, что по факту закон предусматривал более строгое наказание для прелюбодеёв. На это указывает комментарий к законам одного из выдающихся римских юристов Ульпиана: «Несправедливо, когда муж требует от жены уровня нравственности, которого он сам не достиг»³². Стоическая филосо-

---

³⁰ Дигесты 48. 5. 21 (20). О Юлианских законах, касающихся брака и прелюбодеяния, см. Rotondi, *op. cit.*, стр. 443–447.

³¹ Дигесты 48. 5. 1–4.

³² Дигесты 48. 5. 14 (13). 5.

фия, столь популярная среди римлян, также порицала прелюбодеяние как со стороны мужа, так и со стороны жены³³. Так, Катон Младший, убеждённый стоик и человек строгих нравов, считал, что половая связь возможна только с целью зачатия детей. Поскольку его жена Марция была измучена деторождением, его второй брак с ней отличался особым целомудрием. Должно быть, длительные отлучки Катона из дома во время гражданских войн способствовали его сдержанности в отношениях с женой в течение пятилетнего срока их повторного брака³⁴.

Подобно законам Августа о супружеской неверности, более поздние установления о «преступном блуде» (*stuprum*) следовали всё тем же двойным стандартам римского общества. Женщинам из высшего класса в принципе не разрешалось иметь никаких отношений вне брака, в то время как мужчины из высшего сословия могли иметь связи с проститутками. Кроме того, мужчинам запрещалось иметь сексуальные отношения с незамужними или овдовевшими женщинами-аристократками³⁵. В эпоху правления некоторых императоров наказания за нарушение этих законов могли быть очень суровыми. Сам Август примерно наказывал своих родственников. Его внучка, Юлия Младшая, уличённая в прелюбодеянии, а также её мать, были отправлены в изгнание. Помимо этого, «обеих Юлий, дочь свою и внучку, если с ними что случится, он запретил хоронить в своей усыпальнице»³⁶.

---

³³ Stoicorum Veterum Fragmenta 244.

³⁴ Лукан, Фарсалия 2. 387–388.

³⁵ Дигесты 48. 5. 6. 1.

³⁶ Светоний, Божественный Август 101.

Некоторые римлянки из высшего сословия в качестве протеста против ограничения их свободы регистрировались у эдилов (магистратов, в чьи обязанности входил надзор за рынками и торговлей) в качестве проституток. Тогда законы *stuprum* не распространялись бы на них («достаточной карою для продажных женщин почталось их собственное признание в своем позоре»)³⁷, но тогда они были бы исключены из легатов (в римском праве специально оговорённый в завещании дар, вычитавшийся из общей наследственной массы, предназначенный конкретному лицу) и наследования. Эта юридическая уловка была устранена, когда преемник Августа, Тиберий, запретил женщинам, чьи отцы, деды или мужья принадлежали к сословию всадников или были сенаторами, регистрироваться в качестве проституток.

Первый христианский император Константин возвёл внебрачные связи в ранг государственного преступления. В случаях когда речь шла о девиственницах, он различал изнасилование и растление: «против воли её и с согласия». Если девушка добровольно согласилась на сексуальную связь, её наказанием было сожжение заживо. Даже если деву взяли против её воли, она всё равно подвергалась наказанию, хотя и мене суровому, чем смертная казнь. Считалось, что она недостаточно громко кричала и призывала окружающих на помощь, раз сам акт изнасилования состоялся³⁸. То есть законы Константина недвусмысленно указывают на вину самой жертвы сексуального насилия. В римском праве, в соответствии с понятиями *iniuria* (посягательство на телесную неприкосно-

---

³⁷ Тацит, *Анналы* 2. 85. 1.

³⁸ Кодекс Феодосия 9. 9. 25.

венность римского и гражданина) и *vis* (физическое насилие) наказание за изнасилование могло осуществляться непосредственно мужчиной, под чьей опекой находилась пострадавшая женщина.

Свободная женщина, вступившая в связь с рабом, каралась смертью, а её любовник предавался огню. По всей видимости, такое суровое наказание стало результатом непрестанной озабоченности Константина касательно того, что свободные женщины будут позволять себе те же вольности с рабами, что и мужчины. Для таких связей было множество возможностей, поскольку в отличие от Афин, где женщины вели жизнь затворниц, вдали от глаз посторонних мужчин, в Риме богатых женщин сопровождали многочисленные мужчины-рабы, часто выбранные в услужение за их привлекательную внешность. В этой связи вспоминается легендарная история опороченной Лукреции. По словам историка эпохи Августа Ливия, она была принуждена к близости Тарквинием, угрожавшим ей следующим образом:

«Видя, что Лукреция непреклонна, что её не поколебать даже страхом смерти, он, чтобы устрашить её ещё сильнее, пригрозил ей позором: к ней-де, мёртвой, в постель он подбросит, прирезав, нагого раба — пусть говорят, что она убита в грязном прелюбодеянии. Этой ужасной угрозой он одолел её непреклонное целомудрие»³⁹. Таким образом, хотя Лукреция и была изнасилована Тарквинием, формально, в глазах закона, она была прелюбодейкой, потому-то она и предпочла покончить с собой.

---

³⁹ Ливий 1.57–60. Текст приводится по изданию: Тит Ливий. История Рима от основания города. М.: изд-во «Наука», 1989. Перевод В. М. Смирин.

Законодательство Августа поощряло вдов, как и разведённых римлянок, вступать в новый брак. Забота императора о том, чтобы женщины рожали как можно больше детей, в том числе в повторных браках, несколько не вяжется с римским идеалом матроны, подобной Корнелии, которая после смерти мужа не вступала больше в брак, хотя была ещё молода. Римские эпитафии отмечают в качестве высокой похвалы, что умершая была *univira* (жена одного мужа). Некоторым из этих женщин было легко достичь такого статуса, ведь они умерли молодыми. Римская матрона-*univira* почиталась в Риме как своего рода идеал, который не имел аналогов в Греции. Два длинных погребальных панегирика высокородным римлянкам периода Августа (один «Турии», другой — Корнелии, жене Луция Эмилия Павла) были составлены или заказаны пережившими их мужьями⁴⁰. Даже Ливия, с учётом того, что брак с Августом был у неё вторым, удостоилась восхваления за то, что после смерти императора она больше не выходила замуж.

В незаконченном патриотическом эпосе Вергилия «Энеида» царица Дидона уже бессильна противостоять влечению. Взяв Энея в любовники, она ставит под угрозу свою преданность памяти покойного супруга. В Риме, в отличие от Афин, женщина могла вести полноценную жизнь и без мужа, как это делала высокообразованная Корнелия, мать Гракхов, принимая гостей в своём доме, организовав своеобразный интеллектуальный салон. Но Корнелия пользовалась в Риме всеобщим уважением, в первую оче-

---

⁴⁰ Проперций 4. 11. 36; Lattimore, *op. cit.*, стр. 296; Durry, *op. cit.*, стр. 9; and Gordon Williams, *Some Aspects of Roman Marriage Ceremonies and Ideals*, стр. 23–24.

редь потому что родила двенадцать детей, и только потом за решение не вступать больше в брак после смерти супруга.

Дальнейшее развитие образа идеальной жены породило мнение, что женщина не только не должна иметь больше одного мужа, но и не должна его пережить, особенно если он пал жертвой политических преследований. Так, Аррия, супруга римского консула Авла Цецины Пета, упрекала жену члена политической фракции своего мужа за то, что та продолжает жить после того, как её собственного мужа убили у неё на руках. Она также советовала своей дочери совершить самоубийство, в случае если её муж умрет раньше неё. Сам Авл Цецина Пет был приговорен к самоубийству во время правления Клавдия, но, по легенде, на это у него не доставало решимости. Тогда Аррия, не покидавшая своего мужа, схватила кинжал, вонзила его себе в грудь и затем передала супругу со словами: «Пет, это не больно»⁴¹.

Римское право детально освещает вопросы наследования имущества. Властями неоднократно предпринималось переиздание одних и тех положений с незначительными изменениями в их формулировке, дабы закрыть возможные юридические лазейки для людей, не желающих соблюдать законы. Несмотря на эти меры у граждан, желающих обойти нормы права, оставалась возможность для их свободного истолкования, что породило обширные комментарии к римскому законодательству с античности до наших дней. В эпоху республики, когда власть над женщинами находилась в руках их родст-

---

⁴¹ Плиний, Письма. 3. 16; Дион 60. 16. 5–6; Марциал 1. 13. Ср. Плиний, Письма. 6. 24; Тацит, Анналы 6. 29; 16. 10.

венников-мужчин, наследование римлянками имущества было единственной значимой областью, в которой они подчинялись публичному праву. Права римской женщины на наследование и завещание имущества не до конца ясны для современных исследователей. Согласно «Законам XII таблиц», дочери и сыновья делили поровну имущество умершего отца, не оставившего завещания. Дочь, вышедшая замуж *sine manu* (т. е. она не находилась под властью супруга), имела долю в имуществе своего отца, однако если она находилась в браке *cum manu*, она разделяла имущество своего мужа, как если бы она была его дочерью. До законодательства Адриана римские женщины могли составлять завещания только в ходе очень сложной процедуры; им не разрешалось оставлять завещания младенцам женского пола. Только в 178 г. н. э., согласно закону под названием *Senatus consultum Orfitianum*, было установлено право наследования от матери к детям и наоборот без завещания. Таким образом, приоритетное право в отношении наследства женщины оставалось за её детьми, сёстрами, братьями и другими агнатами (т. е. родственниками, находящимися в подчинении одного домовладыки). Таким образом, на основании всего вышеописанного, а также принимая во внимание закон, запрещающий отцу расторгать брак дочери против её воли, становится очевидным, что во II веке н. э. в статусе римской женщины наметились перемены: она больше не идентифицировалась в качестве члена семьи её отца, но признавалась принадлежащей к той же семье, что и её муж, и дети. Закон Вокония 169 г. до н. э. ограничил долю имущества, наследуемого женщинами из высшего сословия. В случаях отсутствия завещания единствен-

ными женщинами-агнатами, которым разрешалось наследовать, были сёстры покойного. Таким образом, женщина не могла быть назначена наследницей большого состояния. Причитающаяся ей доля не должна была превышать половины всего наследства. И всё же положения о равном наследовании дочерей в «Законах XII таблиц», а также право составлять завещания в пользу женщин в сочетании с растущей тенденцией к созданию небольших семей способствовало тому, что в руках римских матрон осело значительное богатство. Неудивительно, что II век до н. э. считается периодом римской роскоши, публично демонстрируемой как мужчинами, так и женщинами из высших сословий. Так, Полибий сообщает, что Эмилия Терция, мать Корнелии, увеличила своё благосостояние за счёт средств своего мужа Сципиона Африканского. По словам Полибия, Эмилия «при жизни выступала с блеском и роскошью в праздничных шествиях женщин, как подобало римлянке, делившей жизнь и счастье со Сципионом. Не говоря уже о роскоши одеяния и колесницы, за нею следовали в торжественных выходах корзины, кубки и прочая жертвенная утварь, все или серебряные, или золотые предметы; соответственно тому велико было количество следовавших за нею рабынь и рабов»⁴².

Личное состояние самой Эмилии было вполне сопоставимо не только с богатством её мужа Сципиона, но и её брата Луция Эмилия, умершего в 160 г. до н. э. и оставившего ей шестьдесят талантов. «Когда же его два сына Публий Сципион и Квинт Максим пожелали возвратить его вдове (своей

---

⁴² Полибий, Всеобщая история, Книга XXXII, 12. Переводчик: Мищенко Ф. С.

матери) двадцать пять талантов приданого, то были в большом затруднении и не могли бы этого сделать, если бы не продали домашней утвари, рабов и ещё кое-чего из недвижимости»⁴³.

С другой стороны, после смерти самой Эмилии Терции в 162 г. до н. э. её наследникам отошло огромное богатство, которое, по всей вероятности, включало, помимо денег, ликвидные активы. Её наследник, Публий Сципион Эмилиан, смог в течение десяти месяцев выплатить пятьдесят талантов, причитающихся его приёмным тетушкам в счёт их приданого (каждой по двадцать пять талантов). Кроме того, эти женщины владели роскошной виллой в Мизенуме на берегу Неаполитанского залива, где жила Корнелия, мать Гракхов⁴⁴. Как мы видим из приведённых примеров, несмотря на законодательство, призванное ограничить благосостояние женщины из богатых семей, в их собственности находилось большое количество дорогого имущества, включая недвижимость. Римлянки стремились продемонстрировать своё богатство окружающим. Конечно, скромное поведение Корнелии стало притчей во языцех, настолько оно было нетипичным для римской матроны того периода: «Корнелия, мать Гракхов, принимала у себя в доме в качестве гостыя матрону из Кампании, которая показала ей свои украшения, самые прекрасные на то время. Та заняла её разговором, пока дети не вернулись из школы, а потом сказала: "А вот мои украшения"»⁴⁵.

---

⁴³ Полибий, Всеобщая история 18. 35; 31. 22; 31. 27. Переводчик: Мищенко Ф. С.

⁴⁴ См. John H. D'Arms, *Romans on the Bay of Naples*, стр. 8–12.

⁴⁵ Валерий Максим, Достопамятные деяния и изречения, 4.4.